

Н. Калестинов

Великий старец

Очерк жизни преподобного Нила Сорского

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. Калестинов**
Великий старец: Очерк жизни преподобного Нила Сорского / Н. Калестинов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 200 с.

ISBN 978-5-458-12903-9

ISBN 978-5-458-12903-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

А. В. Горскій: „Отношенія иноковъ Кирилло-Бѣлозерскаго и Іосифова - Волоколамскаго монастыря въ XVI вѣкѣ“ (въ „Прибавл. къ твор. св. отцовъ“, издававшихся при Моск. Дух. Академіи, т. X, 1851 года)

А. Правдинъ: „Преп. Нилъ Сорскій и уставъ его скитской жизни“ (въ „Христіанскомъ Чтеніи“, январь 1877 года).

Дружининъ В. и Дьяконовъ М.: „Бесѣда Сергія и Германа, валаамскихъ чудотворцевъ“. Спб. 1889.

Иконниковъ: „Русскіе общественные дѣятели XVI вѣка“ (въ „Кіевск. Университ. Извѣстіяхъ“, 1866 г., №№ 1—2).

Иконниковъ: „Опытъ изслѣдованія культурнаго значенія Византіи“. Кіевъ, 1869.

Проф. С. М. Соловьевъ: „Исторія Россіи“, т. V.

Пановъ: „Отношенія иноковъ Кириллова и Іосифова монастырей“ (въ „Прибавл. къ твор. св. отцовъ“, ч. X, 506.

Розановъ: „Споръ іосифлянъ съ бѣлозерскими старцами“ (въ „Странникъ“ за 1877 годъ, т. II, май).

Архим. Іустинъ (впослѣдствіи еп. рязанскій): „Преподобный и богоносный отецъ нашъ Нилъ, подвижникъ Сорскій, и уставъ его о скитской жизни“. М. 1886.

„Нила Сорскаго преподобнаго, перваго основателя скитскаго житія въ Россіи, духовныя наставленія о скитскомъ пустынножительствѣ“. М. 1889, изд. Морозова.

Ө. Успенскій, акад., директоръ Константинопольскаго Археологическаго Института: „Очерки по исторіи византійской образованности въ XIV вѣкѣ“.

Радченко: „Церковно-религіозное движеніе въ Болгаріи предъ турецкимъ нашествіемъ“ (въ „Кіевск. Унив. Извѣстіяхъ“). — Послѣднія двѣ книги весьма важны для пониманія настроенія Нила Сорскаго.

Въ воздухѣ чувствовалось приближеніе утра. Надъ безчисленными большими и малыми озерами и рѣчками, раскиданными по окрестности, всталъ и стройной полосой вытянулся туманъ. Въ бѣлесоватомъ сумракѣ сѣверной ночи рѣзко стали замѣтны яркія полосы зари. Царила та полная, невозмутимая тишина, какая бываетъ въ природѣ только передъ разсвѣтомъ.

Нарушали эту тишину лишь быстрые, торопливые шаги путника, одиноко шедшаго по пыльной дорогѣ. На видъ путнику нельзя было дать болѣе семнадцати—восемнадцати лѣтъ. Это былъ стройный средняго роста юноша. На чрезвычайно исхудаломъ полудѣтскомъ тѣлѣ его висѣлъ кафтанъ, какой въ то время носили обыкновенно подьячіе на Москвѣ и другіе мелкіе приказные служащіе. На ногахъ были лапти, за плечами тощая котомка. Несмотря на чувствовавшуюся въ воздухѣ предразсвѣтную свѣжесть, съ исхудалаго блѣднаго лица юноши струился отъ быстрой ходьбы потъ. Однако, въ глазахъ, горѣвшихъ какимъ-то необыкновеннымъ огнемъ, незамѣтно было ни тѣни усталости...

Сзади юноши по дорогѣ слышался грохотъ телѣги. Но онъ не обернулся. И только когда телѣга поравнялась съ нимъ, юноша снялъ шапку и глубоко поклонился, ѣхавшимъ. Это были, повидимому, мужъ и жена, оба чистые, принаряженные.

— Куда шествуешь, рабъ Божій?—спросилъ кресть-

янинъ, приостанавливая лошадь, — не къ Кириллу ли въ обитель?

— Да, въ обитель, — тихо отвѣтилъ юноша, — не скажешь ли, добрый человѣкъ, сколько верстъ осталось?

— За десятокъ еще... Да ты садись, подвезу. Я туда же вотъ съ женой ѣду. Такъ мѣста нашего не займешь, а къ службѣ Божіей въ самый разъ поспѣешь... Чай, знаешь, что праздникъ нонче у нихъ самый главный въ обители: Кирилла самого память?

— Вѣдомо то, вѣдомо мнѣ, добрый человѣкъ. А на помощи твоей спасибо; какъ-нибудь ужъ доплетусь и такъ...

— Что, аль обѣтъ далъ? Ну, помогай тебѣ Богъ. А только съ дороги не сбейся. Вотъ какъ обойдешь эти озера и рѣчки, тутъ тебѣ сразу гора будетъ. Маурой называется. Съ нея и обитель какъ на ладони. Ну, да тамъ увидишь...

Словоохотливый крестьянинъ тронулъ лошадь, а юный путникъ снова быстро, торопливо зашагалъ по пыльной дорогѣ. Солнце уже взошло, и потеплѣвшій воздухъ наполнился стрекотаніемъ кузнечиковъ, пѣніемъ птицъ и сильнымъ запахомъ цвѣтовъ, живописно въ изобиліи росшихъ по берегамъ озеръ и по непрерывнымъ пригоркамъ, между которыми вилась неровная дорога. Чѣмъ ближе къ обители, тѣмъ дорога все болѣе и болѣе оживлялась. Поднимались небольшіе холмы, пригорки съ избушками, съ вѣтряными мельницами. Словно зеркальныя стекла, замкнутыя въ красивыя рамки, лежали по обѣ стороны дороги небольшія озера, соединявшіяся между собой безчисленнымъ множествомъ рѣчекъ. А по берегамъ ихъ, какъ бы тѣснясь къ водѣ, росли разнообразныя деревья и растенія.

Путникъ съ какой-то непередаваемой улыбкой тихой радости глядѣлъ на окружающую его природу, словно видѣлъ въ ней что-то близкое, родственное своей

мирной, чистой, тихой душѣ и тѣмъ думамъ, какія наполняли ее въ эти мгновенія.

Недалекъ уже былъ конецъ пути юноши. А шель онъ къ нему не день, не два, но цѣлые долгіе дни, стремился же всю жизнь. И теперь, когда завѣтная цѣль была близка, когда недалеки были тѣ стѣны, которыя должны были навсегда отрѣшить его отъ всего міра,—юноша еще разъ обернулся на свою недолгую, но богатую опытомъ жизнь. Вспомнилась ему подмосковная деревня, гдѣ онъ родился и росъ первые годы, вспомнилась богомольная мать, вся домашняя строго-благочестивая жизнь, неугасаемая лампадка въ углу... Ребенка, едва умѣющаго лепетать, учила мать молитвамъ въ этомъ углу, и тихій свѣтъ лампы каждый вечеръ и каждое утро озарялъ мать и сына-малютку, молитвенно склонившихся передъ иконой. Необычайную религіозность ребенка стали скоро замѣчать и сосѣди. Бывало, выгонять скотъ въ поле, мальчишекъ къ нему приставятъ. Спутаютъ коней ребятишки, пустятъ ихъ пасться, а сами соберутся гурьбой и начнутъ или сказки, какія отъ бабушекъ слышали, другъ дружкѣ рассказывать, или игру какую заведутъ, или картошку жарить начнутъ,—но сына Маріи Майковой съ ними никогда не видно. Туда, гдѣ на скатахъ холма осины стройныя растутъ, уходитъ маленькій Ниль, и тамъ, забравшись въ чащу деревьевъ, подолгу стоитъ на молитвѣ... О чемъ молился онъ, чего просила у Бога его чистая дѣтская душа? О томъ никто ничего не зналъ, но всякій, кто видѣлъ ребенка послѣ такихъ мгновений, замѣчалъ на его лицѣ и въ глазахъ печать какой-то нездѣшной, неземной, какой-то грустящей мысли: не молила ли Небо дѣтская душа сохранить ее отъ міра?.. Вечерами, когда въ небѣ начинали зажигаться нѣжно-грустными огоньками звѣзды, маленькій Ниль съ напряженнымъ вниманіемъ вглядывался въ нихъ. Какую тайну хотѣлъ разрѣшить его неокрѣпшій,

неопытный умъ? Не казались ли ему звѣзды просвѣтами какого-то иного, надземнаго міра, куда, быть можетъ, его душа рвалась отъ грѣшной, оскверненной человѣкомъ земли?.. Этого никто не зналъ...

Началъ подростать Нилъ, и ясно стало матери, что не работникъ онъ для ея хозяйства. Какъ ни хотѣлось ей имѣть всегда при себѣ сына, она не хотѣла итти вопреки его склонностямъ. На Москвѣ въ одномъ изъ приказовъ былъ у нея дальній родственникъ, подьячимъ служилъ. Къ нему и направилась Марія. Старичокъ Нифонтъ былъ доброй души человѣкъ. Онъ съ охотой и лаской принялъ мальчика на свое попеченіе. Засадилъ его вскорѣ за букварь, обучилъ грамотѣ, научилъ письму.

Нилъ быстро усвоилъ несложную мудрость тогдашней русской грамоты; почеркъ у него оказался хорошей. Тогда Нифонтъ далъ мальчику переписать небольшой квитокъ, и здѣсь успѣхъ Нила превзошелъ всякія ожиданія старика. Послѣ этого вскорѣ Нила номѣстили въ приказъ въ помощь дядѣ и начали давать ему все болѣе сложныя и почетныя порученія: то указъ государевъ переписать вязью, то приказъ владычній, то рѣшеніе суда по какому-либо важному дѣлу. Мальчикъ съ чрезвычайнымъ стараніемъ и любовью писалъ все, и рукописи изъ-подъ его пера выходили красивыми, четкими. Но съ особеннымъ стараніемъ Нилъ переписывалъ священныя книги. Работа эта давалась со стороны, изъ монастырей. Правда, тамъ были свои „скорписцы“, но съ полуребенкомъ изъ приказа Майковымъ мало кто могъ справиться. Буква за буквой съ чрезвычайной любовью переписывалъ Нилъ священныя изреченія. При этомъ онъ вдумывался въ каждое слово, въ каждую мысль. Чего не понималъ или что ему казалось неяснымъ, то выписывалъ для себя. И вотъ, когда кончалась работа, онъ несъ ее торжественно въ обитель и здѣсь у умудренныхъ опы-

томъ жизни старцевъ просилъ разъясненій непонятнаго. Тѣ дивились, выслушивая не по лѣтамъ умныя, глубокія замѣчанія мальчика, и когда могли, давали отвѣтъ. А бывало такъ, что отвѣта и не находилось...

Кромѣ приказа и дома дяди, Нилъ не зналъ другого мѣста пребыванія, какъ храмъ. Кромѣ дороги въ обители, въ ихъ храмы, другія дороги неизвѣстны были мальчику. Часто по цѣлымъ часамъ выстаивалъ онъ на колѣняхъ въ углу храма. Поклоны его были часты, молитва усердна. Изъ покрытаго полумракомъ угла онъ выходилъ послѣ всѣхъ бывшихъ въ церкви. Сначала дядя беспокоился, куда такъ надолго уходитъ его племянникъ. Но потомъ, узнавъ, успокоился.

— Не жалецъ ты въ мірѣ, Нилъ,—говаривалъ нерѣдко Нифонтъ.—Въ монастырь бы тебѣ.

— Я, дяденька, только этого и хочу.

— Такъ отчего же? Подростешь вотъ, да и переговорю я съ отцомъ архимандритомъ чудовскимъ. Онъ тебя, небось, знаетъ, такъ съ радостію приметъ. Скорописцемъ у нихъ будешь...

— Нѣтъ, дяденька, въ Москвѣ я не хочу.

— А что такъ?

И начнетъ Нилъ говорить о томъ, что въ московскихъ монастыряхъ не по-монашески живутъ: отрекаются отъ міра, а міру же кланяются, предъ міромъ заискиваютъ, угодьями, богатствами владѣютъ, сутяжничаютъ изъ-за этого другъ съ другомъ и съ властями мірскими...

— Развѣ это по-иночески? — воодушевленно говорилъ Нилъ. — Иноки потому такъ и называются, что они иные для міра, чужіе ему. „Міръ во злѣ лежитъ“, и они должны бѣжать изъ него навсегда, совершенно, въ пустыни, въ непроходимыя дебри... Тамъ, среди безмолвія,—глаза Нила устремлялись куда-то далеко-далеко,—иноки видятъ иную землю, иное небо... А

такъ ты, дяденька, и самъ видѣлъ въ приказѣ, да въ мнѣ сердце измучило...

Нифонтъ добродушно улыбался.

— Строгонокъ ты больно, Нилъ. А все потому, что молодъ. Подростешь, такъ, коли будешь инокомъ,—самъ придешь въ приказъ сутяжничать.

Иѣтъ, дядя,—горячо восклицалъ мальчикъ со слезами на глазахъ,—Богъ не попуститъ этого!

Добраго старичка, наконецъ, трогала такая непонятная печаль племянника и такое его исканіе. Онъ пытался дать посильный совѣтъ.

— А ты, Нилъ поищи. Можетъ, и есть на свѣтѣ истинные иноки и угодныя Богу обители.

— Я ищу...

Эти слова выражали самую глубокую сущность затаенныхъ желаній и мечтаній мальчика. Стоялъ ли онъ въ храмѣ, вдумывался ли въ смыслъ тѣхъ священныхъ словъ, какія выводила его рука,—мысль объ обители, въ которой можно найти истинное воплощеніе иноческихъ обѣтовъ, ни на мгновеніе не покидала его.

Наконецъ, горячее желаніе Нила сбылось. Въ Москву прибылъ святогорскій іеромонахъ Пахомій. Человѣкъ онъ былъ начитанный въ Св. Писаніи и въ святоотеческихъ твореніяхъ, а главное—способный составлять жизнеописанія святыхъ, что тогда на Москвѣ цѣнилось особенно высоко: среди москвичей не находилось ни одного подходящаго для этого занятія. Великій князь Василій Васильевичъ и митрополитъ Θεодосій воспользовались пріѣздомъ Пахомія для своей цѣли. Въ это время на Москвѣ чрезвычайно интересовались жизнью знаменитаго бѣлозерскаго подвижника Кирилла, скончавшагося недавно предъ тѣмъ, въ 1427 году. И вотъ Пахомію было поручено отправиться на Бѣлоозеро въ обитель Кирилла, собрать тамъ свѣдѣнія о его подвигахъ и составить жизне-

описаніе. Пахомій чрезъ нѣкоторое время вернулся съ выполненнымъ порученіемъ.

Но такъ какъ онъ самъ далеко не былъ силенъ въ красивой скорописи, а переписать житіе нужно было возможно красивѣе, то онъ сталъ искать, кто бы могъ выполнить этотъ трудъ. Списковъ нужно было сдѣлать нѣсколько: для царя, для патріарха и еще для нѣкоторыхъ именитыхъ лицъ. И вотъ сдѣлать одинъ изъ списковъ Пахомій, по совѣту чудовскаго архимандрита, поручилъ юному „сорописцу“ Майкову. Кто можетъ представить себѣ радость Нила! Дни и ночи просиживалъ онъ надъ порученной ему работой, и, чѣмъ болѣе онъ вчитывался въ жизнь Кирилла, тѣмъ для него все яснѣе и яснѣе становилась мысль, что именно здѣсь то, чего онъ такъ страстно искалъ...

И теперь, почти уже у воротъ обители Кирилла, Нилъ еще разъ до мельчайшихъ подробностей вспоминаетъ жизнь знаменитаго подвижника, столь высокую, столь прекрасную, столь манящую послѣдовать ей.

Въ 1337 году въ Москвѣ въ одной благочестивой семьѣ родился мальчикъ, котораго назвали Кузьмой. Богобоязненные родители воспитывали своего ребенка въ страхъ Божию, научили его знанію Священнаго Писанія и жизнеописаній христіанскихъ подвижниковъ. Наставленія родителей упали на добрую почву: поведение Кузьмы и его обширныя познанія въ божественныхъ писаніяхъ радовали и родителей, и всѣхъ окружающихъ. Всѣ любили даровитаго и скромнаго мальчика.

Вскорѣ родители Кузьмы умерли, и отрокъ перешелъ на попеченіе къ родственнику Тимофею, который былъ окольничимъ у великаго князя Димитрія и въ ряду другихъ вельможъ того времени славился знатностью и богатствомъ. Тимофеей полюбилъ Кузьму за его добрыя качества, но вовсе не хотѣлъ, чтобы

религіозность мальчика перешла извѣстный предѣлъ и привела его къ монастырю. Между тѣмъ у Кузьмы скоро созрѣло и наполнило всю душу одно желаніе: пойти именно въ монастырь. Почувствовавъ это желаніе, отрокъ обратился къ настоятелямъ нѣкоторыхъ ближашихъ монастырей съ просьбой принять его на послушаніе. Но настоятели знали крутой нравъ Тимоея и не рѣшались исполнить просьбу мальчика. Кузьма не отчаявался и, въ ожиданіи возможности выполнить свое желаніе, велъ и въ міру иноческую жизнь: онъ ревностно отдавался посту, молитвѣ, обильно творилъ милостыню, былъ прилеженъ въ посѣщеніи церкви Божіей, поддерживалъ чистоту тѣла. Тимоею, отъ котораго Кузьма тщательно скрывалъ свое намѣреніе, сдѣлалъ его казначеемъ всѣхъ своихъ богатствъ, а современемъ надѣялся оставить ихъ въ его полное распоряженіе. Но вышло иначе.

Въ то время въ Москву прибылъ Стефанъ, игумень махрицкій. Кузьма давно уже ожидалъ его прихода и теперь бросился къ нему съ горячей просьбой помочь исполниться его завѣтному желанію. Стефанъ, которому скоро стало извѣстно объ отношеніи къ этому дѣлу Тимоея, рѣшилъ дѣйствовать прямо. Призвавъ Кузьму, онъ возложилъ на него иноческое одѣяніе и наименовалъ отрока Кирилломъ. „Посвященіе это неполное,—добавилъ онъ отроку,—но Богъ милостивъ, и скоро ты станешь настоящимъ инокомъ“. Затѣмъ Стефанъ направился къ Тимоею, въ домъ котораго благочестиваго игумена уважала особенно жена окольничаго Ирина. Когда Тимоею доложили о приходѣ Стефана, онъ вышелъ къ нему и подошелъ подъ благословеніе. Стефанъ сказалъ:

— Богомолецъ вашъ Кириллъ благословляетъ.

Нѣсколько удивленный окольничій спросилъ:

— А кто это такой Кириллъ?

— А это,—отвѣчалъ игумень,—Кузьма, вашъ быв.